

Луи-Александр Бертье

М.К. Чиняков

Имя маршала империи Луи-Александра Бертье, князя Невшательского и герцога Валанженского, князя Ваграмского, наиболее часто упоминается вместе с именем Наполеона Бонапарта, особенно при изучении многочисленных военных кампаний императора французов. Это не удивительно — Бертье с 1796 г. по 1814 г. являлся бессменным начальником штаба при Наполеоне, когда тот возглавлял Итальянскую армию, Египетскую экспедицию или Великую армию. Однако при всех военных заслугах маршала о его жизни и характере известно немного¹. Неудивительно, что Луи-Александра даже называют чуть ли не «серым кардиналом» при Наполеоне, без которого великий император не выиграл бы ни одного сражения!

Из предков знаменитого маршала известен только его дед, каретник Мишель Бертье, живший в конце XVII в. и занимавший очень скромное положение, как и его предки, во французском обществе. О жизни Мишеля Бертье известно немного: например, что ему довелось участвовать в кампаниях Людовика XIV в качестве простого солдата, и что от брака Мишеля с некоей Жанной Дюме родился Жан-Батист Бертье, отец будущего маршала.

Жан-Батист стал живым примером продвижения простого человека по социальной лестнице, благодаря собственным заслугам и благодаря его величеству случаю. Первоначально Жан-Батист был слугой у некоего генерал-майора г-на де Шанн де Везан. Последний, пораженный интеллектуальными способностями слуги, помог ему с образованием и подростком отправил в бюро военного министерства. В 18 лет Жан-Батист — инструктор в Парижской военной школе, затем он воевал под знаменами маршала Франции Морица Саксонского, получил ранения, занимался строительством военных укреплений.

Звездный час настал для Жана-Батиста 13 сентября 1751 г., при пожаре Большой конюшни (здания, построенного в честь рождения внука правящего короля), когда на него обратил внимание лично Людовик XV. В течение 24 часов Жан-Батист не только руководил ликвидацией пожара, но и продемонстрировал личную храбрость, бросаясь в огонь. С тех пор карьера Бертье пошла только в гору. Его таланты инженера, картографа и архитектора стали находить лучшее применение. Он становится автором 23 рисунков-схем о кампаниях Людовика XV и работы о прусской тактике, которой заинтересовались французские генералы; Жан-Батист принимает участие при строительстве

нового здания Военной школы на Марсовом поле (в которой будут учиться Наполсон, маршал Л.-Н. Даву и др.). В 36 лет он возглавляет корпус армейских инженеров-географов и является руководителем Депо карт и планов военного министерства. В июне 1759 г., по просьбе военного министра маршала Франции Л.-Ш. герцога де Бель-Иля Жан-Батист приступает к строительству зданий военного министерства (построенного к концу 1760 г.), морского министерства и иностранных дел. Архитектурные изыскания Жана-Батиста вызвали восхищение современников.

В июле 1763 г. — новый взлет. Жан-Батист становится главным инженером-географом военных лагерей и королевской армии, губернатором зданий военного, морского министерства и иностранных дел. И самое главное — Жана-Батиста Бертье возводят в дворянское достоинство! Месяц спустя он получает собственный герб и часть «де» в фамилию, столь желаемую всеми буржуа, не говоря уже о таких совершенно незнатных людях, как Бертье.

В 1765 г. по просьбе Людовика XV, Жан-Батист нарисовал королю т.н. охотничьи карты (на 36 листах), за что был удостоен значительной награды — зачислен в списки престижного ордена Франции Св. Мишеля, уступившего по знатности только ордену Св. Духа (в который принимали лишь представители высшей знати). Кроме того, Людовик XV заказал Бертье карту окрестностей Версаля, Сен-Жермена, Булонского и Венсенского лесов. Эта тяжелая и кропотливая работа продолжалась вплоть до 1806 г. (последние два года под личным руководством маршала Бертье). «Охотничьи карты короля» до сих пор считаются шедевром топографии парижских окрестностей XVIII века.

В сентябре 1749 г. Жан-Батист женился на Мари-Франсуазе Люийе де Ласер (дочери коменданта замка маркиза де Фонтене), которая была моложе мужа на 10 лет. У них родилось много детей, из которых известно шестеро (один умер в младенчестве). В 1785 г. Мари-Франсуаза умерла, и в 1791 г. Бертье женился вторично, на Елизавете-Франсуазе Шерон, которая скончалась в 1795 г., оставив безутемному отцу одного сына.

20 ноября 1753 г. в Версале в семье Жана-Батиста родился второй ребенок — будущий маршал, Луи-Александр, крещенный на следующий день в королевской церкви Сен-Луи. У него было четыре брата и две сестры; двое братьев стали дивизионными генералами — Луи-Цезарь-Габриэль (1765—1819) и Виктор-Леопольд (1770—1807). Третий брат, от второго брака, Александр-Жозеф (1792—1849), стал бригадным генералом и женился на своей племяннице. Луи-Цезарь-Габриэль доставлял много беспокойств Луи-Александру из-за огромных долгов. Виктор-Леопольд, наоборот, был хорошим инженером-географом, честным и отличным штабным офицером, к сожалению, умершим в 37-летнем возрасте (его вдова вышла замуж за знаменитого генерала наполеоновских войн Ш. Лассала, убитого во время кампании 1809 г.)².

Образование Луи-Александр получил в Королевской инженерной школе в Мезьере, по окончании которой через два года, в 1766 г., в 13 лет, стал младшим лейтенантом и инженером-географом военных лагерей и королевской армии, а 11 марта 1770 г. — лейтенантом. Несмотря на юный возраст, Луи-Александр проявил способности и талант в области топографии (его работы отличались точностью, чистотой отделки и приятным рисунком), что привлекло внимание командира полка оттарингских драгун — лучшей кавалерийской школы в Европе — принца Ламбеска, который взял его к себе, и 2 июня 1777 г. Луи-Александр стал капитаном штаба.

В 1775 г. на другом берегу Атлантического океана назревали большие перемены — в североамериканских колониях Англии шла война за независимость. Взоры противников, англичан и американских повстанцев, обратились к Франции, которая оказалась благосклонной к повстанцам, поскольку их борьба против метрополии — Англии — отвечала державным интересам Франции. В феврале 1778 г. Людовик XVI решил оказать военную поддержку борцам за свободу, отправив через два года за океан 6-тысячный корпус (в Америке уже воевал рядовой Осерского пехотного полка Ж.-Б. Журдан — будущий маршал империи).

¹ Чиняков Максим Константинович.

Вместе с братом, драгунским капитаном Шарлем, Луи-Александр решил отправиться в экспедицию самовольно в качестве рядового стрелка, несмотря на протесты отца. 27 апреля 1780 г. Луи-Александр и его брат получили положительный ответ на просьбу об их зачислении в состав Суассонского пехотного полка. Они выехали из Версаля 29 апреля и прибыли в Брест в 6 час утра 2 мая и увидели... отплывающую в море эскадру. Бертье не впали в отчаяние и к 18 часам на лодке догнали корабли. Правда, командир эскадры адмирал де Терне, приняв их за авантюристов, вознамерился высадить на берег братьев, поскольку последние не имели надлежащих документов. Луи-Александр просил командира экспедиционного корпуса Ж.-Б. де Вине графа де Рошамбо взять их в Америку хотя бы простыми матросами, и тот вроде бы согласился, но адмирал был категорически против, и обоих высадили обратно на берег, в той же самой лодке. Пришлось братьям ждать официальных бумаг из Парижа. Они отправились в Америку во второй раз только в июне. 5 августа небольшой корабль «Август» доставил братьев на Мартинику. На сей раз путешествие прошло без особых приключений и в приятных условиях: отдельная каюта, изысканные вина, рыбная ловля. Луи-Александр впервые увидел летающих рыб, от вкуса которых он остался в восторге.

В свои 26 лет Бертье держался уверенно — среднего роста, атлетически сложенный, с правильными и прямыми чертами лица, густой шевелюрой с выходящими волосами (некоторые утверждали, что они были курчавыми), выбивавшимися из-под модного парика, с большими синие-зелеными глазами и выразительным взглядом.

28 сентября 1780 г. братья ступили на «землю свободы» и сразу направились к командиру экспедиционного корпуса Рошамбо, оказавшим им теплый прием, и заняли капитанские должности в Суассонском полку. Первые шесть месяцев военные действия не велись и братья Бертье могли насладиться покоем, хотя и относительным. Они не теряли время даром и за три месяца начертили карту местности, где располагались французские войска; копию отправили в Париж королю. Через некоторое время Луи-Александр получает должность штабного офицера при командующем, а брат — адъютанта полковника Суассонского полка графа де Сен-Мем. В отсутствии военных действий Луи-Александр в новом качестве может теперь вести беззаботный образ жизни: вечером посещает балы, на которых его отмечают за обходительное отношение с дамами. Как писал в дневнике сам будущий маршал, «я чувствовал себя счастливейшим человеком». Его всегда будут отличать хорошие манеры истинного дворянина XVIII в., чего не доставало другим маршалам — Н.-Ш. Удино, А. Массене, П.-Ф. Ожеро.

Весной 1781 г. военные действия активизировались. В начале мая французы должны были соединиться с повстанцами для совместной осады Нью-Йорка, занятого англичанами. Восемь месяцев спокойствия протекли быстро. Луи-Александр участвует во множестве мелких стычек и 21 июня получает боевое крещение под Нью-Йорком, в районе р. Гарлем (сегодня — знаменитый квартал города) — пуля царапнула левое ухо. После морского сражения в сентябре 1781 г. французский флот отрезал с моря главные силы англичан под Йорктауном, важным в стратегическом отношении городе, который 19 октября 1781 г. капитулировал перед 20-тысячной американско-французской армией во главе с Дж. Вашингтоном. Победителям досталось 8 тыс. пленных, 214 пушек и 22 знамени. За мужественное поведение в боях и при осаде Йорктауна Рошамбо упомянул братьев Бертье в письме к военному министру Франции. (Шарль Бертье не вернется во Францию: он погибнет на дуэли.) Капитуляция Йорктауна вынудила английский парламент заговорить о мире, и война фактически прекратилась.

Пребывание в Америке пошло на пользу для Луи-Александра — о его военных заслугах высоко отзываются генералы Рошамбо и Мари Жозеф Лафайет (один из первых добровольцев, отправившийся воевать против англичан на стороне американских повстанцев еще до официального отправления французского корпуса за океан), полковник А.-Ф. Кюстин де Саррек; с их

помощью Бертье приобретает полезные связи и дружбу в высших дворянских кругах Франции. К тому же каждый француз, воевавший в Америке, автоматически приобретает значительный вес в обществе. За участие в экспедиции будущий маршал получил первую награду — американский крест ордена Цинцинната.

В середине июня 1783 г., за два месяца до официального подписания Версальского договора, по которому Англия соглашалась признать американское государство, Бертье возвращается во Францию, и его вскоре зачисляют в Генеральный штаб под командование военного министра маршала Ф.-А. Сегюра. 29-летний капитан штаба Луи-Александр не успел перевести дух, как ему пришлось отправиться в командировку со специальной миссией французского Генштаба. Бертье надлежало изучить военную организацию Пруссии, считающуюся военным эталоном. 8 августа он прибыл в Берлин.

Бертье встречался со многими известными персонажами Пруссии. Он был удостоен аудиенции у прусского короля Фридриха II Великого, который тепло принял Луи-Александра и расспрашивал его о войне в Америке. Бертье был также приглашен на ужин королевским принцем, племянником Фридриха и будущим королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III. Во время пребывания в Пруссии французский гость был удостоен высоких почестей. При всех маневрах прусской армии он всегда находился рядом с королем; в отличие от других иностранцев, Луи-Александр частенько присутствовал даже за одним столом с королем (пусть даже и не в непосредственной близости). После окончания миссии, в сентябре Луи-Александр отправился домой через Австрию и был принят утром 14 сентября в Вене эрцгерцогом Максимилианом, братом Марии-Антуанетты, королевы Франции. Позже Бертье вспоминал, что австрийцы ему не понравились, хотя прием оказали очень хороший — Луи-Александра принимала старинная аристократия, хотя он не являлся потомственным дворянином.

После успешного выполнения миссии, в 1785 г. Бертье назначают на одну из высших штабных должностей, в июле 1788 г. награждают орденом Св. Людовика, а в 1789 г., до июльских событий, он получает чин подполковника. Конечно, при продвижении Бертье по социальной лестнице Франции нельзя не учитывать, что он имел мощную поддержку в лице отца и влиятельных командиров американского экспедиционного корпуса. Однако не забудем, что Луи-Александр и сам обладал незаурядными способностями.

Несомненно, что, в отличие от «нищей молодости» Массены, Ожеро, Ж. Ланна, у Бертье, казалось, не было оснований встать в лагерь революционеров в бурном 1789 г.: жизнь Бертье была обеспечена надолго — после смерти на дуэли брата Шарля Луи-Александр становится первым наследником в семье. Неудивительно, что в начале революции Бурбоны нашли в нем сторонника, и в отличие от подавляющего большинства будущих маршалов империи Бертье оказывается в лагере «аристократов».

Однако Луи-Александра можно назвать скорее сторонником конституционной монархии, чем абсолютной. Вместе с другими французскими генералами и офицерами, прошедшими «американскую кампанию», Бертье находился под сильным влиянием «идей свободы» (как будущие декабристы в России после возвращения из Франции в 1814 г.). Луи-Александр поддерживал Бурбонов, надеясь на либеральные реформы ради благополучия Франции, но законных и проводимых в гражданском мире, и постепенно он присоединяется к идеалам революции. Думается, немаловажную роль здесь сыграло и плебейское происхождение Бертье: в отличие от настоящих дворян с вековыми корнями, его дворянству насчитывалось всего 26 лет!

Вместе с первыми событиями июля 1789 г. происходит формирование Национальной гвардии, призванной защищать «революционные завоевания». 15 июля 35-летний Луи-Александр становится начальником штаба национальной гвардии Версаля с целью «обеспечения безопасности города, замка и сохранения лесов и другой собственности короля». В ряды простых национальных гвардейцев стали его братья — 23-летний Луи-Цезарь-Габриэль и

19-летний Виктор-Леопольд. Сторонник порядка, с уравновешенным характером, Луи-Александр старался сгладить эксцессы народного недовольства. Но он оказался бессилем перед известными событиями той поры — маршем революционно настроенного народа на Версаль; где прожил Людовик XVI с семьей. 6 октября Лафайет сопровождает короля, королеву и их детей из Версаля в Тюильри и взял в штаб Парижской национальной гвардии Луи-Александра Бертье, энергичного военного человека и его доверенное лицо.

Помощником Луи-Александра был ярый сторонник Ж.-П. Марата Л. Лекуантр, который видел в своем начальнике «врага народа» и постоянно интриговал против него. Бертье постоянно приходилось оправдываться. Вскоре произошел случай, доказавший верность Бертье королю, за что он едва не заплатил головой.

В феврале 1791 г. тетки Людовика XVI (родные сестры Людовика XV) — мадам Аделаида и мадам Вектуар, весьма престарелые особы, решили эмигрировать из Франции. Учредительное собрание не возражало (признав венцеспособных родственниц «безвредными»). Однако Лекуантр настроил общественное мнение против Бертье, обвиняя его (своего начальника) в том, что тот дал возможность «аристократам», этим теткам короля-тирана увести с собой «огромное количество мешков с золотом!» Весть быстро распространилась, и 19 февраля, в день отъезда возбужденная толпа преградила путь небольшому отряду во главе с Бертье, решившему охранять женщин. Наконец, после долгих проволочек Учредительное собрание, директория департамента и муниципалитет разрешают мадам Аделаиде и Вектуар уехать, но Лекуантр продолжает обвинять Бертье в антиреволюционных действиях и в тиранстве. Несмотря на интриги, Бертье продолжает бороться за порядок в Версале, избегая применения силы против взбунтовавшихся войск; Луи-Александра даже арестовали в замке Беллёв. В итоге он становится подозрительным для революционно настроенной части общества.

Не исключено, что в обстановке, которая царилла во Франции в 1791 г., деяния Бертье могли привести его под топор гильотины, но формирование регулярной армии для защиты республики предоставило Луи-Александру возможность послужить родине и оказаться подальше от бурлящего Парижа. Международная обстановка ухудшалась день ото дня, и 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну «королю Венгрии и Богемии», т.е. Австрии, когда Бертье служил полковником в штабе командира Северной армии Рошамбо. Протекцию ему составил Лафайет: «Его поведение оправдало возложенные на него надежды... Он поддерживал порядок и дисциплину среди чинов Фландрского полка, готового взбунтоваться, и среди других отрядов версальского гарнизона. Его осмотрительность и младнокровие предвосхитили народное волнение; в городе и окрестностях господствовала полная безопасность»³.

22 мая 1792 г. 38-летний Луи-Александр Бертье получает чин генерал-майора и становится впервые начальником штаба армии (при генерале Н. Люкнере). Перед Бертье как штабным офицером стояла огромная задача: организовать в последние и управляемые военные единицы беспорядочные массы войск, разбегавшиеся при первых залпах неприятельской артиллерии.

Продолжая оставаться приверженцем идей конституционной монархии, 27 июня Бертье пишет королю письмо, в котором осуждался посягательство на королевское достоинство, внутренние и внешние враги. Несомненно, в письме Луи-Александра было что-то героическое, поскольку тогда о верноподданических чувствах по отношению к суверену, чьи часы были сочтены, осмеливались говорить немногие. О письме стало немедленно известно республиканцам, и на трибуне Учредительного собрания о письме Бертье отзывались крайне резко и с негодованием. Луи-Александр был вынужден обратиться за помощью к маршалу Люкнеру (проявившему не метельную смелость, чем сам Бертье), который встал на его защиту.

10 августа королевская власть пала, король с семейством ждет своей участи в Тампле, а гвардейские швейцарцы гибнут, защищая пустой Тюильрийский дворец. 19 августа 1792 г. командующий Северной армией Лафайет

с соратниками спасается бегством, его ближайшие друзья оканчивают жизненный путь на гильотине. 21 августа начальник штаба Северной армии Бертье как «сторонник» Лафайета и «аристократ» освобожден от занимаемой должности; судьба помещала Бертье статк вместе с командующим армией Ф.-Э. Келлерманом, будущим маршалом империи, героем Вальми. Несмотря на приказы из Парижа, Келлерман поступил подобно Люкнеру: стал защищать подчиненного.

Ситуация для Луи-Александра складывается тревожная. Лекуантр говорил о Бертье как об «агенте королевского двора и корреспонденте по переписке с Лафайетом». Внутренняя обстановка во Франции осложнилась: в январе 1793 г. в корзину под гильотиной скатилась голова короля (через год — голова Люкнера). Хотя монархия больше не существовала, для Бертье оставалась Франция, которой он хотел служить; именно так рассуждал и старый вояка Ф.-Ж. Лефевр, будущий маршал империи, испытывавший симпатии к королю. Однако рапорт Луи-Александра о приеме на службу в войска, стоявшие на границе для борьбы против внешних врагов не приняли, и Бертье отправили на запад страны, в Вандею, где началось антиреспубликанское восстание. 14 мая 1793 г. Бертье был в Сомюре, штаб-квартира Ла-Рошельской армии побережья под командованием генерала А.-Л. де Гонго Бирона, который знал Луи-Александра по «американской» кампании. Сомюр играл важную стратегическую роль на западе страны, поскольку являлся крайним форпостом республики в данном регионе.

В апреле—мае 1793 г. Сомюр был осажден вандейцами. Бертье вновь получает звание генерала, должность начальника штаба и смело защищает город. Во время осады под ним убили две лошади, но он приложил много усилий к спасению армии и провел более или менее организованное отступление. В результате взятия Сомюра 9 мая республика оказалась как никогда в огромной опасности, поскольку мятежникам открывался прямой путь на Париж, сердце революции. Неудивительно, что командира Ла-Рошельской армии Бирона вызвали в Париж, признали его виновным в «неудовлетворительном командовании» армией и в декабре того же года казнили. Республике тогда спасло странное решение вандейцев наступать не на Париж, а на соседние города — Анжер и Нант.

После отъезда Бирона Бертье остался начальником штаба при его преемнике — дивизионном генерале Ж.-А. Россиньоле, ревностном санкюлоге с небольшим опытом в военном деле. Бертье предлагает объединить две разрозненные армии (Ла-Рошельскую и Брестскую) в одну, но его план отклоняют. Тем временем республиканцы терпят ряд поражений, и Конвент вызывает Бертье в Париж для доклада Комитету общественного спасения о сложившейся обстановке и способах спасения. Комитет одобрил план, который сыграл положительную роль в разгроме повстанцев, хотя и запретил Луи-Александру возвращаться в Вандею.

И Бертье снова вынужден защищаться, доказывая, что он не приходится родственником ни парижскому интенданту Бертье, ни королевскому секретарю Бертье: «Я лоялен к нынешней власти, ни в чем не виноват и никогда не занимался интригами. Я несотступно следую долгу, придерживаясь принципов свободы и уважения национального суверенитета. Все утверждения против меня продиктованы завистью, которую я вынужден разрушить с фактами в руках» (16 августа 1793 г.)⁴.

Бертье чрезвычайно повезло — вызов в Париж подчас стоил головы многим генералам Старого порядка. Но судьба смилостивилась над будущим маршалом — его отправили в «ссылку» в Преси-на-Уаз, около Санлиса, в департаменте Уаза (50 км севернее Парижа) — старинную сеньорию его зятя Франсуа д'Ожеранвилля, супруга Терезы Бертье. Здесь собралась достойная компания из бывших королевских гвардейцев. В Преси-на-Уазе Бертье всецело доверяют и единогласно избирают национальным агентом коммуны и директором мастерской по производству селитры, т.е. военного предприятия; позже он становится администратором округа Санлиса и комиссаром по

вопросам материальной помощи родственникам военнослужащих. Удивительно, но факт: политика террора, объявленная Конвентом, совершенно не беспокоила роялистов, и казалось, что о них просто... забыли. Были казнены многие военачальники, знавшие Бертье — Люкнер, Бирон, Кюстин; Лафайет бежал за границу, Келлерман попал в тюрьму — но судьба словно берегла Луи-Александра!

В июле 1794 г. во Франции происходит термидорианский переворот, и в начале 1795 г. Бертье направляет в Париж письмо с просьбой взять его в ряды действующей армии. К тому же Луи-Александр по-прежнему поддерживает Келлерман и представители Конвента в Вандее. Их пожелания удовлетворяют, и 14 марта 1795 г. Бертье назначают бригадным генералом и начальником штаба двух армий — Альпийской и Итальянской под командованием Келлермана. В мае 1795 г. Бертье прибывает к герою Вальми, и Луи-Александра повышают в звании: 13 июня 41-летний бригадный генерал становится дивизионным. Именно он распорядился занять линию Боргетто, сдержавшую наступление противника.

В сентябре 1795 г. Келлермана как командующего Итальянской армией сменил Б.-Л. Шерер, проводивший осторожную политику. Бертье разрабатывает очередной наступательный план, с которым должен был ознакомиться генерал Бонапарт, работавший в военном министерстве. 2 марта на пост командующего Итальянской армией был назначен 26-летний бригадный генерал — Наполеон Бонапарт. Начинается соместная деятельность будущего императора и будущего маршала. Бертье стал одним из первых «итальянских» генералов, кто встретил Бонапарта в пятницу, 25 марта 1796 г.; о чем они говорили с глазу на глаз — неизвестно.

Во время Итальянской кампании, опираясь на личный опыт и опыт предшественников, Бертье организовал штабную службу (которую будет затем совершенствовать), и его принципы останутся на долгое время образцом штабного искусства для европейских армий. До начала XIX в. штаб представлял весьма условное понятие, далеко не в современном смысле слова. Впервые штабы появляются во Франции в 80-х гг. XVII в., и в течение долгого периода существуют исключительно во время войны. Во время революционных войн против европейских коалиций штабы получают дальнейшее развитие, но в период наполеоновских кампаний, как ни парадоксально, Генеральный штаб приходит в упадок, поскольку превращается в передатчик распоряжений Наполеона⁵. Пренебрежение к деятельности Генерального штаба со стороны столь незаурядной личности как Наполеон, сыграло злую шутку с Францией во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., одной из причин поражения которой можно назвать недостаточный профессионализм французского Генерального штаба по сравнению с аналогичным учреждением в Пруссии.

Бертье реорганизовал штабную службу при Наполеоне, разделив ее на две части: императорскую штаб-квартиру (императорский двор, штаб императора, топографический кабинет) и административную. Поэтому современный английский военный историк Д. Чандлер, саркастически называя Бертье «героизированным главным писарем»⁶, несколько принижает его заслуги. Согласно Бертье штаб занимается следующими операциями: 1. планирует и контролирует необходимые движения войск (маршруты и графики движения; пункты сосредоточения); 2. организует снабжение войск, налаживает работу госпиталей (полевых и стационарных), трибуналов; 3. занимается разведывательной деятельностью и обеспечивает бесперебойность функционирования коммуникаций армии; 4. обеспечивает деятельность главной квартиры армии: ее перемещение, расположение, снабжение и охрану; 5. проводит топографические работы и снабжает командный состав необходимыми картами⁷. Особенное внимание Наполеон с Бертье придавали пятой, топографической службе, которую во время Итальянских кампаний (1795—1797 гг.) возглавлял брат Бертье — Виктор-Леопольд.

16 флореаля IV года республики (6 мая 1796 г.) Наполеон пишет Директории: «С начала кампании генерал Бертье, начальник штаба, всегда проводит день в бою, ночь — в бюро, соединяя в себе большую активность, желание работать, храбрость и знания». Знаменитый художник и генерал Л.-Ф. Дежен соглашался с Наполеоном, говоря, что если император разрабатывал военные операции, то именно Луи-Александр проводил в жизнь все его планы. Даже недоброжелательный ко всем современникам в своих мемуарах генерал П.-Ш. Тьебо отдавал должное способностям начальника Генерального штаба⁸.

Бертье не раз смело вставал в первые ряды атакующих. Так, 10 мая 1796 г., после смерти генерала А.-Э. Лагарпа (случайно убитого своими же солдатами), он возглавляет его дивизию. Самым известным подвигом Бертье стала атака на мосту в Лоди 10 мая 1796 г., о которой на следующий день Наполеон сообщает в письме Директории, воздавая похвалу неутомимому начальнику штаба, называя его «самым усердным защитником свободы»: «Неустранимый Бертье был в этот день артиллеристом, кавалеристом и гренадером»⁹. За Бертье, одним из первых ворвавшихся на мост под вражеским обстрелом, последовали Ж. Ланн и А. Массена, будущие маршалы империи. После победы при Лоди Франция овладела Ломбардией и укрепила позиции в регионе.

15 мая 1796 г. французы вошли в Милан, где во второй половине мая произошла знаменательная в жизни Бертье встреча с женщиной, которая перевернет всю его жизнь и навсегда останется любимой, но которая, к сожалению, так и не станет его супругой. Речь идет о Джузеппине Висконти, в девичестве — Каркано. Встреча произошла во дворе Сербеллони, во время приема Бонапартом представителей местной знати, желавшей играть в новом государстве первую скрипку. За республику тогда были два человека, исповедовавшие идеи независимости Ломбардии: герцог Сербеллони и герцог Франческо Висконти, маркиз Боргоратто. Висконти были древней миланской фамилией, которые правили Миланом в XIII—XIV веках. На приеме и присутствовала супруга Висконти — Джузеппина.

Любопытно, но 42-летний генерал до того дня не имел супруги, и его любовь к маркизе Боргоратто стала его первой настоящей и искренней любовью! Правда, он стремился завоевать сердце и руку сестры командующего Итальянской армией — Элизы Бонапарт, но здесь его постигло разочарование, поскольку девушка (моложе жениха на 24 года!) предпочла молодого, хотя и безвестного Ф. Баччиоки. Позже, во времена Первой империи, в свете говорили, что в жены Бертье пророчили кузину императрицы Жозефины Ф. Диллон.

Висконти являлась признанной красавицей, в которой сочетались ум и красота. «Действительно, она была чрезвычайно хороша; кажется, я уже и не видывала такой прелестной головы: черты лица нежные, но правильные, и особенно носик — красивее всех женских носов... (...) Сверх того, у нее были зубы как ровные жемчужины, и волосы чрезвычайно черные, всегда прелестно причесанные...»¹⁰, отмечала герцогиня д'Абранте. Единственный недостаток ломбардской Венеры состоял в различии длины ее рук и низким крикливым голосе фальцетом. Джузеппине было 36 лет, и Висконти был ее вторым супругом. От первого брака она имела сына Джованни Сопрани, а после смерти супруга, в 1789 г. вышла замуж за Франческо Висконти и родила от него второго мальчика — Альберто. Посредником в связи Луи-Александра и Джузеппины выступил сам Бонапарт, уставший от приставаний миланки и порекомендовавший ее своему начальнику штаба. Впоследствии Наполеон, наверное, не раз жалел об этом, поскольку практически остаток жизни Луи-Александр был подчинен любви к Джузеппине, иногда даже вопреки профессиональным обязанностям. Привязанность Бертье к любовнице станет притчей во языцех парижских салонов, что всегда будет вызывать у Бонапарта сильное раздражение, поскольку он никогда не терпел вмешательства женщин в военные и политические дела. Например, Наполеон был недоволен и маршалом Н.-Ж. де Дье Сультом, который не был хозяином в собственном доме.

17 октября 1797 г. был заключен Кампоформийский договор, по которому Австрия выходила из 1-й коалиции и признавала все французские завоевания. Командующий Итальянской армией поручил известить правительство о договоре лично незаемному начальнику штаба. Бертье было приятно исполнить поручение, тем более что в Париж в качестве посла отбыл и Висконти с супругой; в столицу они прибыли в ночь с 25 на 26 октября. Бертье устроился в доме у Висконти и стал открыто появляться вместе с любовницей в свете. 1 ноября Директория приняла Бертье в торжественной обстановке. Министр иностранных дел Ш.-М. Талейран не скулился на похвалы Бертье и Итальянской армии.

После окончания войны против Австрии, Наполеон вместе с Бертье стал готовиться к вторжению в Англию, но из Италии приходят плохие известия. 9 декабря 1797 г. Бертье становится во главе Итальянской армии, что не вызвало восторга у Луи-Александра, которого разлучили с Джузеппиной. К началу 1798 г. внутренняя ситуация в Римской республике сложилась взрывоопасная: экономические трудности достигли чрезвычайной остроты. В конце 1797 г. провозгласили о независимости от Папского государства города Анкона, Пезаро и Сенигаллия. Под предлогом случайного убийства в Риме французского генерала Л. Дюфо, Итальянская армия во главе с Бертье двинулась к «вечному городу». 9 февраля 1798 г. Луи-Александр появляется в окрестностях Рима, который капитулирует на следующий день без боя. 15 февраля в городе с помощью французских штыков провозглашается Римская республика по образу и подобию Директории — одна из «республик-сестер». Пока большая часть римлян праздновала очередную годовщину избрания римского папы, 400 «патриотов» водрузили на Капитолий «дерево свободы» и издали «акт, которым римский народ объявляет себя независимым и свободным». Затем было выбрано новое правительство, представители которого уведомили Бертье о произошедшем. Папа Пий VI был арестован и вывезен во Францию, в бывшем Папском государстве утвердился республиканский календарь, гражданский брак, введена новая, республиканская мода.

После провозглашения республики Бертье пишет Директории о выполнении своей миссии и просит прибыть во Францию вследствие слабого здоровья. Не исключено, что Луи-Александр желал поскорее увидеться с бесценной Джузеппиной. Тем временем создается новая Римская армия, во главе которой был поставлен генерал Массена, известный своей страстью к обогащению. 24 февраля в Итальянской и Римской армиях вспыхнул мятеж из-за невыплаты жалованья и перебоев в снабжении; возникла полная анархия. Одной из причин волнений можно назвать пассивность и растерянность Бертье, не проявившего должного характера и пытавшегося заигрывать с войсками.

Покинув Рим, Бертье отбыл во Францию, где ненадолго был избран в Совет Пятисот от департамента Роны. Впрочем, вскоре ему пришлось снова взять в руки шпагу. В начале марта 1798 г. Луи-Александр получает от Директории назначение начальником штаба Английской армии (которую Франция намеревалась отправить в Англию), а 10 мая 1798 г. становится начальником штаба при Бонапарте, который готовил вторжение в Англию, затем — в Египет. Бертье чувствует, что падолог оставит любимую Висконти и просит Бонапарта об отставке. Бонапарт отставку не принял, но отпустил его ненадолго в Милан с приказанием немедленно возвратиться обратно спустя определенное количество дней. Несмотря на страстное желание остаться, Луи-Александр ничего не смог сделать против Бонапарта, не упуская случая посмеяться над ним, хотя любовь, как трясиная, увлекла начальника штаба. В море, на корабле, как и в палатке в пустыне, Бертье проводил часы отдыха в размышлении перед чем-то вроде алтаря в виде портрета возлюбленной. Однако в отличие от Луи-Александра, Джузеппина не страдала от одиночества, принимая знаки внимания (и не только) от молодых и красивых мужчин [«Клятву (о верности. — М.Ч.) она ему дала, но она не имеет цены...»¹¹].

2 июля 1798 г. французский экспедиционный корпус высадился у Александрии. После завоевания Нижнего Египта Наполеон, к которому Луи-Александр неоднократно обращался с просьбой отпустить его во Францию, уступил. В конце января 1799 г. начальник штаба, казалось, уехал, когда вдруг появился в ставке командующего — Бертье оказался настолько привязан к Бонапарту, что не смог оставить его, когда все уже было готово для отъезда, вплоть до фрегата, ожидавшего Луи-Александра на пристани.

В начале 1799 г. началась Сирийская кампания, окончившаяся поражением французов и их возвращением в Египет. Хотя 25 июля французы одержали при Абукире убедительную победу, в связи с неблагоприятной обстановкой вокруг Франции из-за войны со 2-й коалицией, Наполеон принял решение вернуться во Францию. 23 августа 1799 г. на фрегате «Мюиرون» Бонапарт с пятью генералами, в том числе и Бертье, отбывает в «милую Францию».

18 брюмера (9 ноября) Наполеон совершает государственный переворот, и снова рядом с ним Бертье. Преданность начальника штаба вознаграждена — 11 ноября Луи-Александр становится военным министром. Спустя пять дней Бертье представил Первому консулу отчет о состоянии французской армии, находившейся далеко не в лучшем состоянии и активно принялся за ее обустройство. В течение полугода дела армии пришли в порядок благодаря активности военного министра. Он успешно занимался укреплением прибрежных с Англией крепостей, вопросами снабжения армий, приводел в порядок военные финансы, провел реорганизацию инженерных войск¹². 4 апреля 1800 г. Бертье передал свой портфель военного министра знаменитому организатору революционных армий Л. Карно.

Тем временем война против 2-й коалиции продолжалась. Хотя две экспедиции 2-й коалиции в Голландии и Швейцарии против Франции провалились, военная угроза для нее еще существовала в лице австрийских войск в Германии и Италии. Поэтому 19 апреля 1800 г. Бертье становится во главе только что созданной так называемой Резервной армии. Настоящим ее командиром стал Первый консул, поскольку по закону он не имел права возглавлять крупные военные формирования. Бертье уезжает в Дижон, снова оставив в Париже Джузеппину. Много энергии он вложил в дело создания в Лозанне и Женеве новой армии. 20 мая 1800 г. Резервная армия во главе с Бонапартом совершает труднейший переход в Альпийских горах в период таяния снега и спускается на цветущие равнины, застав врасплох австрийского командующего М.Ф. Меласа, ожидавшего французов со стороны Гenuи, которую он безуспешно осаждал с апреля.

14 июня произошло знаменитое сражение при Маренго, которое закончилось победой французских войск. Во время сражения Бертье отважно сражался и получил пулевое ранение в руку; на следующий день вел переговоры с Меласом о капитуляции. Как известно, прежде чем стать победой, сражение при Маренго могло превратиться в поражение, поскольку бой начался для французов неожиданно, и в этом вина не только Первого консула, но и отчасти его штаба как организатора разведки. После поражения при Маренго сопротивление австрийцев стало вялым, и 9 февраля 1801 г., после поражения при Гогенлиндене, Вена подписала Ляневильский мирный договор.

Война против Австрии еще не закончилась, как Бонапарт отправил Бертье для испытания на дипломатическом поприще, поскольку придавал договору особое значение и желал, чтобы его подписала важная особа государства, в качестве которой и был выбран Бертье. В августе 1800 г. Луи-Александр прибывает в Испанию, где ведет переговоры, подготовленные до него предыдущим французским послом. По Сан-Ильдефонскому мирному договору от 1 октября 1800 г. Испания становилась союзником Франции против Португалии, которую поддерживала Англия, а французские купцы получали важные привилегии. Заключив договор, Бертье через полтора месяца отбыл в

Париж, к Джузеппине, будучи с 8 октября уже военным министром. На этот раз Бертье будет возглавлять министерство до 1 сентября 1807 г., когда он возглавил Генеральный штаб Великой армии.

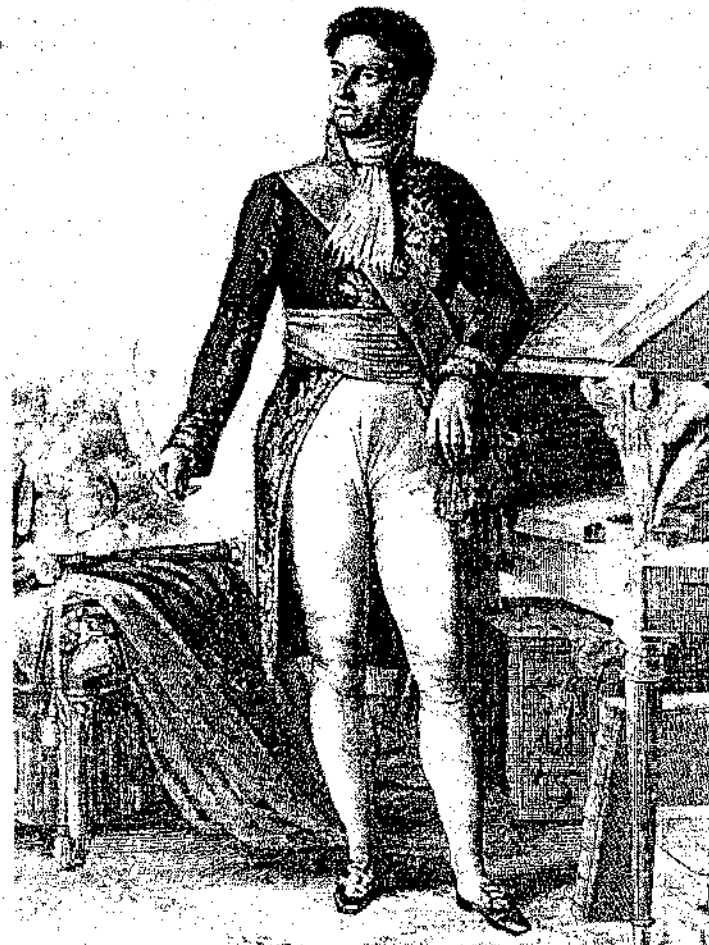
После победы при Маренго в Европе на какое-то время устанавливается мир. Заключив мирные договоры с Австрией и Россией, Наполеон лишил Англию ее континентальных союзников, и Лондон был вынужден пойти на мировую с Парижем — в марте 1802 г. был подписан Амьенский мирный договор на условиях формально компромиссных, но фактически выигрышных для Франции. Однако конфликт буржуазной Франции с монархической Европой не был разрешен.

Авторитет Первого консула в глазах французов вырос неимоверно. В стране происходит важное событие — 14 термидора X года республики (2 августа 1802 г.) Сенат объявляет о пожизненном консульстве Наполеона. Бертье наслаждается покоем, участвуя вместе с Джузеппиной во всех торжественных мероприятиях при консульском дворе, чем дает обильную пищу для сплетников и завистников.

Подобные отношения Бертье с замужней женщиной, открытый адюльтер, очень беспокоили Наполеона, ибо он постоянно желал, чтобы его ближайший соратник имел бы законную жену, а Бертье в некотором отношении принижал значимость Первого консула на европейской политической арене. Взаимоотношения Наполеона с Бертье всегда являлись сложными и противоречивыми. Известно много фактов, подтверждающих грубость и даже жестокость императора по отношению к своему верному соратнику и правой руке, но также известно, что практически никто, кроме Бертье, не имел столько должностей и материальных благ от Наполеона. Доходы Луи-Александра являлись самыми высокими среди всех маршалов — полтора миллиона франков в год (которые Луи-Александр тратил весьма щедрой рукой)! Все дело заключалось в том, что Бертье имел характер доверчивый, слабый и тщеславный. К тому же он являлся начальником штаба и всегда находился возле Наполеона, который имел возможность вымещать на нем приступы своего порою необузданного гнева. Так, несмотря на похвалу, которую Наполеон расточал Бертье, например, во время Итальянской кампании, Бонапарт как-то раз в сердцах заявил о начальнике штаба: «Вы же не можете не видеть, что Бертье — это скотина!»¹³

Когда разрабатывалась идея реставрации монархической формы государства, Талейран (большой любитель злых шуток) убедил Бертье — тогда военного министра — что Первому консулу понравится, если ему посоветуют взять титул короля. Счастливым от мысли, что он сможет польстить любимому тирану, Луи-Александр пробился сквозь ряды придворных и, присоединившись к беседе Наполеона, тут же передал ему все, что слышал от Талейрана. В действительности Бонапарт и слышать ничего не хотел о короле, королевстве и королевской власти, и поэтому, как только будущий император понял, о чем идет речь, он от гнева сделался красным как рак, «ударил Бертье так, что тот отлетел к стене» — дело происходило на глазах всех присутствующих! — и кричал: «Дурак! Кто посоветовал вам так разозлить меня? В следующий раз больше не берите на себя подобные миссии!»

Всю жизнь Бертье опасался гнева императора и старался предупредить его. Из-за лишней предупредительности Луи-Александр иногда попадал в казусные ситуации, и над ним даже смеялись, поскольку он сам давал повод для этого. Недоброжелательный генерал Тьебо рассказывает довольно необычную, но очень забавную историю. Когда в 1805 г. у императора начинает появляться вкус к охоте, Бертье предлагает повелителю поохотиться на зайцев в своем замке. Так как во владениях Луи-Александра имелось все, кроме самих зайцев, маршал купил одну тысячу зверьков и выпустил их в день приезда Наполеона. Охота не успела начаться, как вдруг охотники увидели зайцев, сбегавшихся со всех сторон. Зверьки окружили охотников, и даже атаковали самого императора так, что его лошадь не могла и шагу ступить, не споткнувшись. Оказалось, что при покупке Бертье не догадался уточнить,

где вырастили животных, и купил домашних зверьков. Зайцы, завидев собравшихся людей, бросились к охотникам, поскольку решили, что их хотят покормить. Несмотря на преданность императору, Бертье не был его другом. Однажды Наполеон признался Талейрану: «Я не могу понять, как между мною и Бертье могли установиться отношения, напоминающие некоторую дружбу, поскольку я никогда не самообольщался насчет посредственности Бертье. Я порою даже не знаю, почему он мне нравится. В то же время, в глубине души я не могу не испытывать к нему какой-то благосклонности». Министр иностранных дел дал пронизательный ответ: «Знаете, почему вы его любите? Потому что он верит в вас»¹⁴.

Бертье всегда и при любых обстоятельствах находился при Наполеоне: как во время переездов с места на место во время кампаний в специально созданной для императора карете, так и во время сражений. Невзирая на возраст (так, перед Ваграмским сражением 5—6 июля 1809 г. Бертье было 55

лет, а Наполеону — 40), Луи-Александр всегда и везде рядом с ним. Камердинер императора Констан вспоминает, как Наполеон, работая с картами, невзирая на время суток, приказывал ему позвать Бертье, который немедленно являлся, даже среди глубокой ночи без единой складки на одежде. В ночь с 7 на 8 января 1807 г. он приходил к Наполеону 17 раз, неизменно поражая не менее неумолимого генерал-интенданта П.-А. Дарю, который признавался, что Бертье был более неутомимым. В действительности маркиз представлял собой образец идеально послушного и незаменимого сотрудника. Недаром же император признавал, что испытывал что-то похожее на привязанность к этому «гусенку», которого он сделал «чем-то вроде орла». Интеллектуальная зависимость Бертье от повелителя Франции доходила до такой степени, что как-то раз Луи-Александр пишет своему кумиру, извиняясь за некий проступок: «Я не знаю, что делать, когда вас нет. Вот уже четырнадцать лет я не могу думать самостоятельно — до того я привык получать от вас все идеи»¹⁵.

Иногда некоторые отечественные и зарубежные публицисты и историки заявляли, что все победы Наполеона зависели только от Бертье. Более того, всеми признанный гений Наполеона ставился ими под сомнение; доказательством служил следующий факт: сражение при Ватерлоо было проиграно императором якобы потому, что при нем не было Бертье! Абсурдность подобных заявлений не вызывает сомнения. Все современники отзывались о Луи-Александре как прекрасном штабисте, но никто и никогда не ставил таланты маршала вровень с гением Наполеона. Так, ссыльный император на Св. Елене говорил следующее: «Бертье предпринимал все от него зависящее, чтобы покончить с этими слухами, делавшими его в армии смешным»¹⁶.

Когда Бертье называют «Мольтке» Наполеона, данное изречение верно отчасти, поскольку Хельмут Карл Мольке-старший при Отто фон Бисмарке являлся начальником прусского Генерального штаба, отличавшегося от французского тем, что именно в нем разрабатывались планы ведения военных действий, поскольку в Пруссии не существовало столь многогранной личности, как Наполеон во Франции. Если Мольке обладал не большими интеллектуальными способностями, чем Бертье, то, в любом случае, превосходил французского «коллегу» по ярко выраженной индивидуальности и по уровню широты стратегического кругозора. Поэтому Бертье можно назвать «Мольтке» Наполеона, имея лишь в виду, что Луи-Александр как начальник штаба всегда находился при императоре, как Мольке — при Бисмарке.

Будучи прекрасным кабинетным работником, Бертье обладал весьма невысокими полководческими способностями и плохо умел командовать войсками на поле битвы, уступая в этом Нею, Бессьеру, Удино и большинству других маршалов. Характерный пример относится к началу Австрийской кампании 1809 г., когда Бертье необоснованно разместил французские войска, раздробленные на три части, на весьма удаленное расстояние друг от друга.

Известно, что на о. Св. Елены Наполеон высказывался о соратниках очень сурово, порой даже несправедливо обвиняя их, но его мнение о Бертье можно считать верным: «Он обладал большой энергией, следовал за главнокомандующим во всех разведках и объездах войск, не замедляя этим несколько своей штабной работы. Характер имел нерешительный, мило пригодный для командования армией, но обладал всеми качествами начальника штаба. Он хорошо знал карту, очень разумно вел разведывательную часть, лично заботился о рассылке приказаний, умел самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто». Буриенн соглашается с Наполеоном: «Он совершенно знал расположение всех корпусов, имена их начальников и их силу. Он всегда был готов днем и ночью, и ясно отдавал все приказания... (...) Наконец надобно сказать, что он был хорошим начальником штаба: более сего он и сам не хотел»¹⁷. Наполеон и Бертье удачно дополняли друг друга: первый направлял, второй — исполнял.

Портрет Бертье нам оставила герцогиня Лаура д'Абрантес: «...он был невысок ростом и дурно сложен, хотя не уродлив. Голова его была велика для такого маленького туловища, и покрыта волосами, скорее курчавыми нежели

кудрявыми, цвета не черного и не белокурого; нос, глаза, лоб, подбородок, все это было как должно, но все как-то нехорошо. От природы безобразные руки его сделались наконец ужасны: он беспрестанно грыз ногти, так что на пальцах у него почти всегда была кровь; ноги были у него под стать рукам, только он не грыз на них ногтей. Прибавьте ко всему этому, что он заикался, и делал не гримасы, а движения, столько странные своей живостью, что очень забавлял тех, кому не было нужды до его знатности». По внешнему виду Бертье было далеко до красавца И. Мюрата или атлетически сложенного М. Нея. Однако Луи-Александр «...был человек превосходный, хотя слабый до такой степени, что это портит множество хороших качеств, которыми наделила его природа как добрая мать. (...) Бертье был добрый человек, в полном значении этого слова». Герцогине д'Абрантес вторит Стендаль: «Не смотря на некоторую резкость, он был приятен в обществе». Буриенн добавляет: «Его грубый, себялюбивый и беззаботный характер не восстанавливал против него многих неприятелей, но и не приобретал ему многих друзей». По отзывам адъютантов, на службе Бертье был всегда ровный, вежливый, простой и никогда не оскорблял подчиненных¹⁸.

Будучи в душе неплохим человеком, и скорее просто угрюмым, чем недоброжелательным, Бертье ни к кому не питал ненависти. Правда, существовали два маршала, которых он не любил — Ж.-Б. Бернарот (за его враждебность к Бертье) и Л.-Н. Даву (за то, что в 1809 г. маршал указал Бертье на его ошибки в начале кампании).

Знаменитый «лейб-мамелюк» Рустам обвинял Луи-Александра в воровстве, утверждая, что начальник штаба Восточной армии взял у него саблю, подаренную Бонапартом в Египте «на время», но так и не отдал¹⁹. Зная характер Бертье, трудно поверить в это, тем более что тот же Рустам обвинял в незаконном присвоении акций и Ж.-Б. Бессьера, которые последний должен был передать мамелюку от императора, хотя во времена империи именно Бессьера знали как честного и благородного человека.

18 мая 1804 г. Первый консул Бонапарт становится императором Наполеоном I, который учреждал новое Французское государство на осколках монархии и на руинах республики. 19 мая 1804 г. он создал знаменитый маршалат империи. Вопреки распространенному мнению, маршал не являлся военным званием, но и не придворным титулом или должностью. Целью Наполеона являлось создание гражданского, а не военного государства. Маршалами скорее являлись знатными сановниками короны, чем генералами, получившими высший чин в военной иерархии в результате продвижения по службе. Наполеон постоянно подчеркивал гражданский характер титула²⁰.

В профессиональном плане Наполеон ценил Бертье и не случайно поставил его, военного министра и начальника Генерального штаба, в так называемом первом списке маршалов на первое место. Правда, спустя несколько дней, в присутствии посторонних, император будет снова грубо обращаться с Луи-Александром. 11 июля 1804 г. Наполеон присваивает Бертье титул обер-егермейстера, делает его сенатором, великим сановником, 2 февраля 1805 г. награждает высшей степенью ордена Почетного легиона и ставит во главе 1-й когорты ордена, а 30 августа того же года, в преддверии новой войны против Австрии — начальником штаба Великой армии. Намного позднее, 13 июня 1810 г., после смерти Ж. Ланна, император делает его генерал-полковником швейцарцев (почетная должность при французском дворе, созданная в 1571 г.).

После кампании 1805 г., где Бертье по-прежнему достойно выполняет свои функции и заслуживает высокое доверие у повелителя (именно он согласовывал с К. Макком условия капитуляции австрийских войск при Ульме), 30 марта 1806 г. Наполеон дает Луи-Александру первое среди высших лиц Франции отдельное княжество — Невиллягское, в котором, правда, новоявленный князь не может править самостоятельно, поскольку настоящим сувереном практически всего и вся в Европе являлся ее новый власте-

лин — Наполеон I Бонапарт. Полный титул Бертье звучал как князь Невшательский и герцог Валанженский.

Бертье ужасно гордится новым приобретением — теперь у него собственное княжество — общей площадью 700 км² и населением 70 тыс. душ, приносящее 150 тыс. франков ежегодного дохода. Луи-Александр теперь может подписываться именем «Александр», как его «братья-короли!» Внутри своего княжества он чувствовал себя настоящим властелином; в мае 1807 г. создает личную гвардию, отдельный батальон, причисленный к Императорской гвардии и получивший прозвище «канарейки» за желтый цвет униформы. И здесь Луи-Александр желал угодить Наполеону: желтый в желтую униформу были одеты так называемые гусары Бонапарта в 1800 г. (специально созданное Первым консулом подразделение из представителей знаменитых дворянских фамилий). Невшательский батальон прославился храбростью, в том числе и в кампании 1812 года. Луи-Александр очень заботился о нем, стараясь беречь от вражеского огня, что вызывало у императора неудовольствие.

Продолжал ли Бертье оставаться маршалом после присвоения ему титула князя Невшательского? Вопрос не праздный. После 1809 г. в ежегодном императорском альманахе имя Бертье как маршала больше не упоминается, наравне с Мюратом (с 1809 г.), Журданом (в 1809—1811 гг.) и Бернадотом (с 1811 г.)²¹. Эти даты не случайны. В июле 1808 г. Мюрат становится королем, в августе 1810 г. Бернадот — наследным принцем Швеции. Остается только Журдан — почему имя этого маршала не значилось в списках альманаха, не совсем ясно.

До победоносной Прусской кампании, летом 1806 г., Наполеон уполномочил Бертье вести переговоры о создании вместо дышавшей на ладан Священной Римской империи Рейнской конфедерации. 12 июля было провозглашено новое государственное образование (в котором его протектором выступил, разумеется, Наполеон), что нанесло большой удар по Австрии, ибо ее императору Францу I Габсбургу (одновременно являвшемуся императором Священной Римской империи под именем Франца II) пришлось сложить с себя полномочия главы этой империи.

Во время кампании 1806—1807 гг. Бертье работает с картами, отдавая приказы войскам, беспрекословно выполняя инструкции Наполеона и подготавливая победы французского оружия. После Тильзита, 9 августа 1807 г. Луи-Александр получает от императора титул вице-коннетабля Франции (вместе с одновременным пожалованием в виде 1 млн франков) и от Александра I в числе пятерых человек (среди которых находился Наполеон) — русский орден Св. Андрея Первозванного. В Тильзите Бертье вновь встречается с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом, с которым виделся в августе 1783 г., когда тот был наследным принцем. После Тильзита Наполеон оставил Луи-Александра во главе армии, отбыв в Париж.

По-прежнему Луи-Александр не был женат, проводя все свободное время с Джузеппиной — они были любовниками в течение десяти лет! — вызывая раздражение у повелителя Европы. 1 апреля 1806 г., после того, как Бертье стал князем Невшательским, Наполеон написал знаменитое письмо, в котором полусурово, полуфамильярно выразил личное пожелание: «Ваша страсть длится очень долго. Она стала смешной, и я имею право надеяться, что тот, кого я называю моим товарищем по оружию, которого потомство будет всегда и везде ставить рядом со мной, не остался бы наедине со своей беспримерной слабостью. Я желаю скорейшего вашего брака, и чтобы я вас больше не видел без жены. Вам пятьдесят лет, но вы из тех, кто живет до восьмидесяти, и в течение этих тридцати лет вы должны наслаждаться самой приятной стороной семейной жизни»²².

Бертье еще сопротивлялся, но тем не менее уступил, поскольку Наполеон предложил ему более чем выгодную партию — племянницу баварского короля Максимилиана I Иосифа Марию Елизавету Баварскую-Биркенфельдскую, настоящую знатную принцессу, принадлежавшую к династии Виттельсбахов, не менее древних, чем французские короли! (К тому же и Джу-

зеппина не возражала против брака любовника.) Ни один маршал империи не мог похвастаться подобной супругой.

В январе 1808 г. будущий тесть маршала, герцог Вильгельм Баварский, лично прибыл к властителю судеб Европы, Наполеону, желая просить у него территориальную компенсацию за потерю герцогства Берг, присоединенного к Франции. На аудиенции император вдруг резко прервал просителя, излагавшего просьбу: «Я выдам вашу дочь замуж за Бертье», — чем поверг отца в глубокое изумление. Таким образом, вопрос о браке был решен. 18 февраля Наполеон пишет баварскому королю: «Князь Невшательский просит у вас руки принцессы Елизаветы, племянницы Вашего Величества. Мне кажется, они согласны»²³. 9 марта 1808 г. в Париже состоялась гражданская свадебная церемония в присутствии только близких родственников; император с императрицей присутствовали на религиозной церемонии, которую проводил кардинал Ж. Феш, дядя Бонапарта. Таким образом Бертье вошел в императорскую фамилию, поскольку его молодая супруга (ей было 23 года, ему — 54) приходилась двоюродной сестрой жене вице-короля Е. Богарне. После свадьбы в парижском свете за Бертье закрепилось прозвище «Бербав» (от словосочетания Бертье Баварский).

Мария Елизавета не была миловидной, но имела красивую фигуру и высокие моральные качества. При дворе княгини Невшательская стала самой знатной дамой, над которой никто никогда не отваживался подшучивать. Будучи добродетельной и простой в общении, Марии Елизавете вскоре удалось сделать многих друзьями, восхищавшимися ее тактом и мудростью. В отличие от других маршалов, мадам Бертье всегда с удовольствием присутствовала при дворе, и с радостью встретила падение Наполеона, завоевала при новом дворе высокое положение.

После себя Бертье оставил трех детей — Наполеона (1810—1887); Каролину (1812—1905); Елизавету (1815—1878). Четыре потомка Бертье погибли, сражаясь за Францию. Последним титул князя Ваграмского носил четвертый князь Ваграмский Александр, холостяк, погибший в 1918 г. во время первой мировой войны.

Судьба сыграла злую шутку с Бертье: спустя пятнадцать дней после его свадьбы маркиз Висконти ушел в лучший мир, оставив свободной знаменитую супругу. О чувствах Бертье говорить не приходится. Маршал не стеснялся в выражениях по отношению к покойному, и, дабы исправить несправедливую ошибку судьбы, поселил вдову в соседнем доме около своего дворца. Таким образом началось существование втроем, о чем весь Париж знал до мельчайших подробностей. За отсутствием возможностей устранить соперницу, вначале обе женщины терпели друг друга, а позже между ними установились довольно хорошие отношения. Княгиня запросто играла в вист с маркизой, рассказывавшей о себе многочисленные сплетни (в которых, кстати, не знала недостатка). Личную жизнь троицы иногда прерывали ссоры, ибо потеряв в красоте, стареющая Висконти ничего не потеряла в драчливости. Однако вскоре Джузеппина поразил паралич, и Луи-Александр перестал с ней встречаться, чем воспользовалась Мария Елизавета, а рождение трех детей от жены привнесло в супружество элемент согласия. Тем не менее, Луи-Александр не бросил несчастную женщину и до конца жизни выказывал ей знаки уважения и любви. Кроме того, он обеспечил будущее ее сыновей, особенно ее первенца, Джованни, которого взял с собой в Вену в 1810 году.

В октябре 1808 г. Бертье отбыл вместе с Наполеоном в Испанию, где после захвата власти французами настоятельно требовалось присутствие императора. Не жалуясь на здоровье, 55-летний Бертье мужественно переносит все тяготы кампании в погоне за английскими войсками, в частности, переход через горы Гвадрамы, где свирепствовали ужасные бури и метели. 15 января 1809 г. Наполеон вместе с Бертье возвращается в Париж.

После Австрийской кампании 1809 г. и победы при Ваграме (когда под маршалом убили две лошади) император щедрой рукой раздавал деньги и титулы налево и направо, словно стараясь компенсировать небывалые тяготы этой войны и собственное поражение при Эслинге (Асперне). Так, 31

декабря 1809 г. Бертье получил титул князя Ваграмского, не говоря уже о значительных единовременных денежных субсидиях. Княжеством Ваграмским стал замок Шамбор в долине Луары — почти не тронутый временем памятник начала блестящего расцвета французского Возрождения, построенный в XVI в., в котором проживали короли Франции (чаще всего Людовик XIV), а также польский король Станислав Лешинский, маршал Морис Саксонский и др. известные персонажи Старого порядка. (В 1821 г. замок был продан вдовой Бертье, а в 1932 г. он стал государственной собственностью.)

Наряду с Шамбором Бертье с 1801 г. владел замком Гробуа, купленным у Ж. Фуше, до которого в нем проживал когда-то «великий фрондёр» Ж.-В. Моро и один из директоров Директории П.-Ж. Баррас (сегодня замок принадлежит потомкам Луи-Александра — по крайней мере, принадлежал до середины 80-х гг. XX в.). Именно Гробуа стал «фамильным» помещением Бертье, как у Даву — Савиньи, у Бессьера — Гриньон, у Ж.-Э. Макдональда — Курсель и т.д. Бертье принадлежал также особняк в Париже на улице Виктуар, 58; другой особняк, на улице Сен-Оноре, 35, купленный в 1806 г., был продан им в 1808 году.

В начале 1810 г. Наполеон оказал Бертье новые знаки доверия: он отправляет Луи-Александра в Вену с необычным и ответственным поручением просить руки Марии Луизы для своего императора. 4 марта Бертье прибыл в столицу Австрии, где на следующий день ему устроили торжественный прием по случаю прибытия. Эта миссия очень понравилась Бертье, поскольку ему нравилось погружаться в атмосферу двора Старого порядка, царившую при венском дворе — что можно было ожидать от человека, чьи корни происходили из низов общества, ставшего в одночасье (пусть даже и по заслугам) ровней дворянам с многовековым происхождением? Тем более он не простой капитан, как в 1783 г., а один из самых приближенных людей повелителя Европы! В этом тщеславии Бертье был похож на выскочек времен революции и империи, которые искренне верили, что свою значимость можно продемонстрировать только показным величием, и именно в этом видели искусство быть «настоящими» дворянами Старого порядка. Поэтому не случайно Луи-Александр постоянно старался окружать себя офицерами, принадлежавшими к старинной знати. Неудивительно, что в Вену его сопровождала блестящая свита — адъютант императора генерал граф Ж.-А. Лористон, первый адъютант Бертье полковник А. де Жирарден и полковник де Лагранж; оба имели графское достоинство еще при Людовике XVI.

Как неоднократно отмечалось, церемония и брачный контракт между Наполеоном и Марией Луизой почти дословно был скопирован с аналогичного документа между Людовиком XVI и Марией Антуанеттой (Мария Луиза приходилась ей внучатой племянницей). 1 апреля свадьбы сыграли в Париже.

Бертье наслаждается мирным временем. Он устраивает в замке и парке Гробуа невиданные званые вечера, роскошные праздники и охоту, присущие, как он считал, столь великому в империи сановнику. Он считал себя при новом дворе наследником традиций Версаля. Обязанность «принимать гостей» некоторым маршалам пришла по вкусу — со времен Консульства Бертье прославился великолепием своих вечеров. 14 июня 1801 г., в годовщину сражения при Маренго, он организовал праздник, от которого присутствующие пришли в полный восторг. Император, любивший костюмированные балы, часто посещал светские празднества у князя Невшательского. Наполеон также ценил охоту в Гробуа, и отправлялся во владения Луи-Александра в сопровождении многочисленной свиты. Дамам приходилось тесниться по несколько человек в одной комнате, чтобы привести себя в порядок и довольствоваться одним маленьким зеркальцем, чтобы причесаться и одеться.

Вместе с императором Бертье участвует в гибельной для Великой армии Русской кампании 1812 г., когда его способности некоторые историки ставили под сомнение. Возможно, что так оно и было, поскольку задолго до начала кампании, с 1810 г. Бертье, не отличаясь от других маршалов, стал проявлять признаки усталости и нежелание воевать, и даже в Дрездене, когда армия

шла на восток, пытался отговорить Наполеона от войны против России. Именно к Русской кампании, особенно к ее финалу, относятся грубые высказывания императора о способностях маршала. Советы об осторожности Луи-Александра — часто рассудительные — которые пожелал человек захочет дать завоевателю, не будут приниматься императором всерьез. Каждый раз на многочисленные попытки Бертье остановить ход адской машины войны, Наполеон грубо заявлял маршалу, чтобы он не вмешивался не в свое дело.

Самая серьезная сцена произошла в декабре, когда император принял решение покинуть армию. Бертье узнал об этой страшной тайне в нишей компаненке Молодечно, где остановился на ночь. Он сразу растерялся только при одной мысли, что останется без своего божества во враждебной стране, вдаль от родины. Маршал просил императора взять его с собой, но Наполеон был неумолим: «Вы неблагодарное существо и трус! Я велю расстрелять вас перед всей армией!». В Сморгони Луи-Александр повторил просьбу, однако император продолжал оставаться непреклонным: «Вы должны остаться с Неаполитанским королем. Я хорошо знаю, что вы ничего не стоите, но другие так не думают, и ваше имя имеет еще некоторый вес в армии»²⁴.

Бертье в это время тяжело страдает от болезней, «заработанных» в столь длительных кампаниях, которые проводил без сна день и ночь — ревматизм, ужасные приступы желчного пузыря, подагра; он даже не мог расписываться на бумагах. В таком состоянии Луи-Александр пребывал впервые. Вице-король Италии Евгений Богарне сообщил Наполеону о состоянии Бертье, и 29 января 1813 г. последний получил приказ вернуться в Париж, в который прибыл вечером 9 февраля.

Бертье немного поправил здоровье и снова был готов к работе. Добросовестно исполняя приказания Наполеона, Бертье оказал неоценимую помощь императору при формировании новых воинских контингентов в 1813 и в начале 1814 годов. Луи-Александр по-прежнему не только составляет диспозиции войск и заботится о слабжении войск, но и с саблей в руке сражается за императора, например, 29 января 1814 г. при Бриенне, где его шляпу пронзила казачья пика.

Несмотря на своеобразное отношение императора к Бертье, преданность маршала Наполеону не вызывала вопросов. Кризис разразился в апреле 1814 г., во время отречения Наполеона, когда Бертье встал на сторону маршалов, которые доверили ему командование остатками армии (правда, чисто номинальное). После отречения Наполеона Бертье покинул бывшего повелителя Европы одним из первых. Немногие историки стараются оправдать его поступок, например, объясняя его отъезд желанием уладить отношения с союзниками и войсками, поскольку он являлся начальником Генерального штаба. Но даже если Луи-Александру тогда в действительности требовалось заниматься первостепенными делами государственной важности, он, по словам экс-императора, мог хотя бы один раз посетить его на Эльбе. Из всех маршалов по-настоящему благородно отнесся к поверженному полководцу и повелителю Европы только Макдональд, кто покинул Наполеона последним, убедившись, что сделал все необходимое в данной ситуации. Однако Наполеон остался очень недовольным отношением к себе со стороны Луи-Александра, хотя сам же и объяснял мотивы его поведения: «Он имел жену, детей, что налагало на него определенные обязанности. (...) Он хотел сохранить свое богатство, оставшись в Париже»²⁵.

Свое присоединение к нарождающейся власти Луи-Александр объявил чрезвычайно помпезно: «Сенаторы! — пишет он. — Армия, по сути своей покорившаяся, не станет ничего обсуждать — она подчинилась новой власти, как только долг позволил ей совершить это. Верная клятвам, армия станет верной принцу, которого нация призовет на трон его предков. Я и мой штаб присоединяемся к решениям Сената и временного правительства». Подобные заявления отвечали тогда духу времени. Не менее пафосную речь Бертье произнес, когда в Париж прибыл Людовик XVIII (вместе с которым он въехал в столицу). Тирада начальника Генерального штаба и правой руки «узурпатора» имела отпечаток столь неуместного нытья, что некоторые смущались и опускали головы.

«Сир, — провозгласил Бертье, — после двадцати пяти лет непостоянства и несчастий французский народ снова вручает заботу о своем счастье самой древней, когда-либо существовавшей династии, которой в мировой истории посвящены восемь веков славы. Marshals Франции как солдаты и граждане старались приложить все усилия, стараясь помочь порыву народной воли. (...) Ваши армии, Сир, marshals которой составляют ее часть, сегодня счастливы показать преданность и верность по отношению к вам»²⁶.

1 июня Бертье становится капитаном 5-й роты королевских Телохранителей (гардюкоров), через три дня — пэром Франции. Знаки изъятия признавательности заслуг Луи-Александра со стороны короля казались более чем превосходными. Командовать ротой Телохранителей с XVII в. всегда поручалось marshalam Франции. Однако гвардейский отряд всегда состоял из 4-х рот, и только 25 мая 1814 г. появились дополнительно еще две роты — 6-я (под командованием О.-Ф. Мармона) и 5-я. 25 сентября 1814 г. король награждает Бертье командорским крестом Св. Людовика. Теперь Луи-Александр имел 5 французских и 13 иностранных наград (включая американский орден) — больше, чем любой маршал! Тем не менее Бертье пришлось отдать Пруссии любимое княжество Невшательское, хотя и за материальную компенсацию и за право называться князем Невшательским.

Высадка Наполеона в заливе Жуана 1 марта 1815 г. ошеломила бывших marshalов империи, которые, хотя и проявляли недовольство новой властью, но совершенно не желали возвращения бывшего повелителя. Возвращение «узника Эльбы» нанесло большой удар по Бертье, которого королевский двор стал сразу подозревать в том, что он знал о готовящейся высадке «узурпатора», но никого не предупредил. В действительности Луи-Александр не мог знать о предполагаемом бегстве Наполеона, и поэтому все обвинения в свой адрес Бертье принимал близко к сердцу. Хотя он вместе с Макдональдом, Мортье сопровождал короля до франко-бельгийской границы, и даже последовал за сувереном в Гент (оба других marshala остались во Франции), отказавшись присоединяться к «узурпатору», приближенные Людовика XVIII продолжали более чем подозрительно относиться к Бертье. Поэтому 29 марта Луи-Александр прибыл в Бамберг, в Баварию, на родину супруги (которая отправилась туда намного раньше мужа). 2 апреля Луи-Александр обратился к баварскому королю за разрешением отбыть во Францию, но ему было отказано. Вероятно, он стремился не только к императору, но и к любимой Висконти, прикованной параличом к кровати... Более того, за князем Ваграмским местная полиция установила наружное наблюдение, а некоторые горячие головы среди антинаполеоновской коалиции предложили его арестовать из страха, что он снова пойдет на службу к «корсиканскому чудовищу».

По некоторым данным, 10 апреля 1815 г. Бертье был лишен Наполеоном marshalского достоинства (вместе с Мармоном, Виктором, К.-Д. Периньоном, Ожеро и Келлерманом), но не разжалован в дивизионные генералы, как можно было бы подумать. Французский историк Ж. Журкен, детально изучив данную проблему, пришел к выводу: списки исключенных marshalов и причисляющиеся этому событию документы никогда не печатались ни в «Мониторе», ни в «Законодательном бюллетене» (официальный сборник законов и правительственных актов, впервые изданный в начале 90-х гг. XVIII века). Это исключение просто сообщалось в простом письме военного министра каждому из провинившихся²⁷. Вместе с тем император не раз говорил приближенным, что он ждет князя Ваграмского, о чем бывшему начальнику Генерального штаба сообщал в письмах его брат, Луи-Цезарь-Габриэль.

Несомненно, накануне трагической гибели Бертье оказался в большой психологической ловушке. С одной стороны, на него оказывали большое давление роялисты, не доверявшие ему, с другой — новая власть во Франции, т.е. император, который хотел видеть князя Ваграмского рядом с собой. К тому же здоровье Бертье было далеко не таким, как несколько лет назад, а рядом не оказалась человека, мнением которого Луи-Александр дорожил и к которому мог прислушаться. Несомненно, на расстроенную психику князя

Ваграмского повлиял и арест 30 апреля его супруги, следовавшей во Францию, которую задержали на самой границе под нелепым предлогом. Весьма любопытная сцена произошла на обеде 31 мая, накануне кончины Луи-Александра, у его тестя. Присутствовавший за столом русский генерал Ф.В. Остен-Сакен похвалил Бертье за то, что тот оказался в числе немногих, кто остался верен королю; в ответ Луи-Александр ответил что-то невнятное, оставшись в подавленном состоянии.

Следя официальной версии, в 12 часов 30 мин. 1 июня 1815 г. Луи-Александр Бертье выпал из окна четвертого этажа своего дома в Бамберге и разбился насмерть, увидев проходившие мимо русские войска, точнее, казак-ов из корпуса Остен-Сакена. В отчете, составленном по поводу кончины Бертье для баварского правительства, французская гувернантка детей Луи-Александра, мадемуазель Галльен, разговаривавшая с ним за несколько минут до смерти, свидетельствует, что Бертье очень плохо выглядел и, увидев в окно непрерывно движущиеся русские войска, громко произнес: «Когда же это закончится?! Бедная Франция, что же с тобой будет? А я — здесь!». Через несколько минут внизу нашли тело marshala.

Что же произошло в действительности? Скорее всего, этого мы никогда не узнаем. По поводу кончины marshala существует, как правило, несколько версий — от убийства до самоубийства²⁸. Некоторые потомки князя Невшательского, живущие до сих пор, полагают, что их знаменитого предка убили. В защиту своей версии они высказывают следующее: во-первых, подокожник (107 см) был слишком высокий для человека среднего роста, каким был Бертье. Во-вторых, якобы в тот день и час видели каких-то неизвестных в черных масках из Тугендбунда или из других тайных германских организаций — они хотели отомстить Луи-Александру за расстрел в 1806 г. книгопродавца Пальма или за расстрел в 1809 г. немецкого патриота Штатса, который пытался убить императора. Говорили даже, что Бертье убили роялисты по тайному приказу короля Людовика XVIII. В-третьих, утверждают, что если князь решил покончить свои счеты с жизнью, почему не пытался принять яд, как Наполеон после отречения или почему не попытался застрелиться?

Если принять версию об убийствах из тайных германских организаций (у которых, несомненно, имелись причины для убийства), получается, что они выбрали в качестве жертвы только Бертье, поскольку истории неизвестны другие подобные случаи, связанные с таинственной кончиной того или иного бывшего соратника императора в 1815 г. и позже. К тому же, если принять во внимание свидетельства мадемуазель Галльен, находившейся вместе с Бертье, данная версия вообще не выдерживает никакой критики. Во-вторых, если Наполеон пытался принять яд, это не означает, что его примеру должны следовать и другие. Если Бертье как военный человек не смог застрелиться, это также ни о чем не говорит. В-третьих, высокий подокожник не является препятствием для человека, твердо решившего покончить жизнь самоубийством.

Сторонники случайной смерти приводили другие аргументы: во-первых, существуют медицинские свидетельства о том, что маршал страдал множественной болезнью, например, у него расстроенный вестибулярный аппарат. Во-вторых, Бертье незадолго до смерти пребывал в сильной депрессии, выпивая за вечер по три бутылки шампанского. В-третьих, в его семье близкие также умирали в результате несчастного случая. Так, брат Луи-Александра Виктор-Леопольд скончался от эпидемии, заразившись ею в Ганновере; второй брат, Луи-Цезарь-Габриэль, утонул в Невшательском озере, выпав из лодки; их сестра, Тереза, потеряв сознание, упала в очаг и сгорела. Видимо Бертье пал жертвой морального кризиса, близким к помешательству из-за того, что не смог принять правильного решения, отвечавшего его тайным велениям души, и при виде врага, направляющегося к его отечеству, решил добровольно уйти из жизни.

Останки marshala ждала довольно беспокойная судьба. Сначала 5 июня Бертье похоронили в соборе Бамберга, а 20 декабря 1815 г. его прах переместили в замок Банц, владение Вильгельма Баварского. С 1884 г. тело Бертье покоится в склепе королевского замка в Тегернхее, среди останков баварс-

ких королей и принцев. Прямо под окном замка, из которого выпал несчастный маршал, стоит памятник в виде креста с инициалами Луи-Александра «А.В.» и цифрой «1815», годом его смерти.

Внезапная смерть маршала не оставила Марию Елизавету безутешной, ибо она тайно вышла замуж за французского полковника Лерминье. В мае 1849 г. бывшая мадам Бертье в возрасте 65 лет стала жертвой эпидемии холеры. Маркиза Висконти умерла в возрасте 85 лет в полном забвении девятью годами раньше, в апреле 1840 года. Примечательно, что после смерти любимого мужчины женщины поддерживали между собой контакты.

Кончина Бертье стала одной из самых загадочных смертей сановников и офицеров Консульства и Первой империи наряду с самоубийством в 1802 г. генерала Ж.-Ш. Пишгрю. Из жизни ушел самый преданный сподвижник императора, внесший огромный вклад в победы Наполеона и сделавший столько же ошибок. Неслучайно на о. Св. Елены Наполеон, настроенный меланхолически, произнес: «Если бы у меня был Бертье, я никогда не проиграл бы сражения при Ватерлоо».

Думается, Луи-Александр Бертье не мог мечтать о лучшем признании своих заслуг от императора, хотя не забудем, что в последней битве Наполеону не хватало не только его преданного начальника штаба, но и многого другого.

Примечания

1. ВОЕНСКИЙ К.А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М. 1912, с. 14—18; КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — *Very Important Person*. М. 1991, № 1, с. 60—63; МАРКС К. Бертье. Собр. соч. Т. 14. М. 1959, с. 95—98; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — *Новая и новейшая история*, 1993, № 5, с. 171—172; ШИКАНОВ В.И. Созвездие Наполеона. М. 1999.
2. VALYNSEFIE J. Les Maréchaux de Premier Empire. P. 1957, p. 30—31.
3. ZIESENISS J. Berthier, frère d'armes de Napoléon. P. 1985, p. 52—53.
4. Mémoires de maréchal Berthier. P. 1827, p. XIV.
5. ГОЛИЦЫН Н.С. Очерки истории Генерального штаба в Западной Европе и в России. Ч. 1. СПб. 1851, с. 129—130.
6. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 237.
7. ШИКАНОВ В.И. Ук. соч., с. 161.
8. NAPOLEON. Correspondance. T. I. P. 1858, p. 238; СОКОЛОВ О.В. Армия Наполеона. СПб. 1999, с. 273—274.
9. NAPOLEON. Op. cit., p. 261.
10. АБРАНТЕС Л. д'. Записки герцогини д'Абрантес. Т. 2. М. 1835, с. 285—286.
11. Там же, с. 286—287.
12. Dictionnaire Napoléon. P. 1987, p. 203.
13. БУРИЕНН Л.А. Записки Г. Буриенна. Т. 1, ч. 1. СПб. 1834, с. 178.
14. REMUSAT С.Е. J. Mémoires. T. I. P. 1880, p. 359—360, 231.
15. CHARDIGNY L. Les Maréchaux de Napoléon. P. 1977, p. 96. См. также: MADELIN L. Histoire du Consulat et d'Empire. T. 16. P. 1976, p. 182; СОКОЛОВ О.В. Ук. соч., с. 271.
16. НАПОЛЕОН. Воспоминания и военно-исторические произведения. М. 1991, с. 72.
17. Там же, с. 72; БУРИЕНН Л.А. Ук. соч., с. 179.
18. АБРАНТЕС Л. д'. Ук. соч. Т. 3. М. 1835, с. 304—305; БУРИЕНН Л.А. Ук. соч., с. 179; СТЕНДАЛЬ. Жизнь Наполеона. М. 1988, с. 434.
19. РУСТАМ Р. Моя жизнь рядом с Наполеоном. Ереван. 1997, с. 41, 60—61.
20. CHARDIGNY L. Op. cit., p. 10—11.
21. JOURQUIN J. Dictionnaire analytique, statistique et comparé de vingt-six maréchaux de France. P. 1986, p. 16.
22. NAPOLEON. Op. cit. T. 12. P. 1863, p. 253.
23. DERRECAGAIX V.B. Le maréchal Berthier. T. 2. P. 1905, p. 244.
24. РУСТАМ Р. Ук. соч., с. 131; YOUNG P. Napoleon's Marshals. N. Y. 1973, p. 30.
25. CAULAINCOURT A. Mémoires. T. 3. P. 1933, p. 352.
26. DERRECAGAIX V.B. Op. cit., p. 587.
27. CHUQUET A. Le suicide de Berthier // CHUQUET A. Etudes d'histoire. P. S.a., ser. 5, p. 181; ШИКАНОВ В.И. Ук. соч., с. 277; JOURQUIN J. Op. cit., p. 16.
28. *Revue des Etudes napoléoniennes*. T. I. P. 1936; CHUQUET A. Op. cit., p. 184—189; ZIESENISS J. Op. cit., p. 279—281; DERRECAGAIX V.B. Op. cit., p. 600—602; Dictionnaire Napoléon, p. 204; HAYTHORNTHWAITTE Ph. Napoleon commander (1). Oxford. 2001, p. 15; PIGEARD A. L'Armée de Napoléon. P. 2000, p. 37; YOUNG P. Op. cit., p. 30; МАРКС К. Ук. соч., с. 98. Одним из первых, обнаруживших труп, был Ансельм Фейербах, немецкий криминалист и отец знаменитого философа Людвиг Фейербаха.